

Родился в 1960 году в городе Макеевка Украинской ССР, в шахтёрской семье. С 1968 жил в Кемерове, учился в Кемеровском государственном университете (неоднократно). Закончил Литературный институт им. М. А. Горького. Работал библиотекарем, сторожем, дворником, грузчиком, журналистом в различных российских газетах. С 2010 по 2015 - директор Сибирского центра современного искусства (Новосибирск). Автор книг стихов: «Обратная перспектива» (1991), «Угол зрения» (1994), «Неполное смыкание век» (2000). Член Союза писателей России. Шортлист «Антибукера» (1998). Живёт в Новосибирске.

ергей САМОЙЛЕНКО

ОХОТНИКИ НА СНЕГУ

Спускаясь по склону, мы в зимнюю входим долину. Собаки виляют хвостами, по брюхо в снегу. Пылают на белом их огненно-рыжие спины. Уже вечереет. Сорока сидит на суку.

По плавным изгибам и диагоналям ландшафта мы сходим в долину и видим внизу городок, заснеженных крыш островерхих пушистые шапки, костёр возле дома, над крышами сизый дымок.

Дорогу, часовенку, изгороди и деревья, – нам виден весь мир, стоит только прищурить глаза. Мы слух напрягаем и слышим, как хлопают двери, полозья скрипят, раздаются внизу голоса.

Мелькают на льду конькобежцев весёлых фигуры, в домах топят печи, бормочут, крестясь, «Отче наш», и мы понимаем, что мастер писал не с натуры, что это не живопись и не январский пейзаж,

а просто долина, деревья, дома и дорога. Живут себе, рубят дрова и стирают бельё. Летит над бескрайним холодным простором сорока, и радостно лают собаки, почуяв жильё.

Яне Глембоцкой

Появись я на свет с мельхиоровой ложкой во рту, я б уехал из этой страны, я бы сделал ту-ту в направленье Парижа, я знаю, что только в Париже, если встанешь на цыпочки, небо становится ближе.

Я читал бы в газетах о Ельцине и о Чечне, обитая в мансарде под самою крышей, а не на куличках бесспорно прекрасного нового мира, где моё поколение грудью стоит у кормила.

Я ушёл бы от ваших и наших, как тот колобок, и глядел бы, как Сена течёт под мостом Мирабо. И, шатаясь весь день по бульварам, смотрел бы сквозь слёзы на Париж, расцветающий в дождь, будто серая роза.

Я сидел бы в кафе, пил свой кофе, и день изо дня видел женские ноги, идущие мимо меня, я курил бы «Житан» натощак и пускал кольца дыма, голова бы шла кругом, а ноги – всё мимо и мимо.

Я бы с первого взгляда узнал Утрилло и Моне в этих улочках узких – я часто их вижу во сне, я пьянел бы от запаха – вот как их жарят – каштанов, непременной детали знакомых со школы романов.

Вот он, праздник, который не будет со мной никогда, потому что не ходят на запад мои поезда, и с рожденья во рту вкус железа оранжевой масти, и не делится надвое сумма любви и несчастья.

И умру не в Париже я - в Богом забытой дыре, в захудалом райцентре, пристроившемся на бугре, здесь и на три аршина в земле - небо всё-таки ближе, чем Париж, но Париж я уже никогда не увижу.

X

Линейкою Гомера-геометра измерим мир, моря и небеса, проверив правильность прямого ветра, квадратные поставим паруса, согнём в дугу пространство циферблата и циркулем очертим горизонт, давая старт, отправим в путь регату, одновременно поджигая понт.

37

ПЕЙЗАЖ В ОВЕРЕ ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Внезапно закончился ливень, спокойна равнина, струится вода по холсту и слезится мазок, и влагу впитали поля, и намокла картина, и зелень отмыта от пыли, и слышен гудок

вдали проходящего поезда. У горизонта мелькают вагоны в дыму и колёса стучат. И пахнет сырою землёю, листвой и озоном, и мокрые красные крыши на солнце блестят.

Мир вымок насквозь, и расплывчатость лёгкая линий подчёркивает лишь, как свеж и прозрачен простор. И в воздухе преобладают зелёный и синий, и не затуманен печалью художника взор.

И жизнь бесконечна, и нечем ещё огорчаться. Пронзительны звонкая зелень и голубизна. Мазок так отчетлив, что, кажется, рано прощаться, а истина чистого цвета, бесспорно, ясна.

И едет двуколка по скользкой, блестящей дороге, и лошадь по лужам бежит, и сверкает вода, а мы с замиранием сердца, в неясной тревоге, глядим, как она уезжает от нас навсегда.

X

Мы пьём забродившее время и держим стаканы с горячей апрельской лазурью на уровне глаз. Прищурившись, смотрим сквозь воздух гранёный, стеклянный, и долгие гласные цедим, хмелея, смеясь.

Смеясь и хмелея, глядим друг на друга и мимо сквозь пристальный воздух, сквозь призму слепого дождя. У слов нет значенья и смысла, у пламени – дыма, и вечер — не дружба ещё, но уже не вражда.

Случайная встреча продлится, быть может, до гроба. От неосторожного смеха рождается гром. Созвездья кишат, как в прозрачной пробирке микробы. Мы сходим с ума понемногу, глоток за глотком.

Мы заболеваем, раскутывай шарф прошлогодний! Головокруженье нас с ходу берёт в оборот. Прошедшего времени не существует сегодня, жизнь сдвинулась с места и начался ледоход.

И нам остается, лишь пальцы разжав, удивиться, как нехотя падает на пол стакан, и смотреть, как долго, как медленно падает, чтобы разбиться, и вдребезги бъётся, ещё не успев долететь.

K

Распахнута левая дверца незапертой клетки грудной. На волю отпущено сердце, как голубь почтовый какой. Лети выше скорости света хоть на семь сторон, хоть на три! Не жду ниоткуда ответа, проиграно наше пари.

Я мог бы поставить на веру, а выбрал, придурок, любовь. Малиновой, пепельной, серой становится алая кровь. Не мне отворяются двери, в которые я не стучал. Не плачь, велика ли потеря, о том ли печалить печаль?

Потрачена жизнь, а вторая, грех думать, не стоит гроша. Обратной дороги из рая ничья не сыскала душа. Каких доказательств мне надо, я сам не пойму до конца. Химера небесного града мерцает, мороча глупца.

Так что я теряю, о боже, вернее, что не получу? Прошедшую жизнь не итожу, про новую знать не хочу. Нет выхода из зазеркалья для сердца, сгоревшего за пределами сферы Паскаля. Кто был там – отводит глаза.

X

Ночь, как сказано, нежна. Жизнь, как водится, ужасна. Снег, идущий вдоль окна, осторожен, будто вор. Если свет не зажигать, невозможно не прижаться лбом к холодному окну, выходящему во двор.

На дворе горит фонарь, освещая площадь круга. Снег крадётся аки тать, налегке и босиком. Я гляжу на этот снег, и от снега, как от лука, то ли слёзы на глазах, то ли в горле снежный ком.

Оттого ли что зима приключилась в одночасье, белизна в моих мозгах снега белого белей. Ну чего тебе ещё недостаточно для счастья? — Ляг поспи и всё пройдет, утро ночи мудреней.

Помнишь шуточку одну: то погаснет, то потухнет? Дочка спит и спит жена, так какого же рожна, прижимаясь лбом к окну, ты торчишь в трусах на кухне, бормоча, как попугай: жизнь ужасна, ночь нежна.

X

Уже написан, вероятно, Вертер, раз Муза крови набирает в рот. Бъёт время из разорванных аорт, приходит смерть, как письмецо в конверте. На белом свете, как и прежде, ветер, навыворот, не так, наоборот. И вправду в гуле рушащейся тверди есть музыка. Она нас и убъёт.

